

СТЕНДОВЫЙ ДОКЛАД

Особенности субъектной организации в «Автоматических стихах»

Б.Ю. Поплавского

**Симакова Валерия Евгеньевна (Самара, Самарский
национальный исследовательский университет имени академика С.П.
Королева)**

Творчество Б.Ю. Поплавского отличается особой эстетической эклектичностью – при прочтении его произведений может возникнуть впечатление, что поэт привносил в свои литературные творения все образы и идеи художников слова, которые казались ему интересными. Для его раннего поэтического творчества характерна развернутость сюжета, например, в стихотворениях сборника «Флаги» Б.Ю. Поплавский использовал персонажей известных историй – шекспировских Гамлета и Офелию, Мореллу Э.А. По, бальзаковскую Серафиту и даже персонажей детективов – Мориарти А. Конан Дойла и популярного персонажа из десятипенсовых «романов с продолжением» Ника Картера – поэт дополнял истории подробностями или же дописывал существующие сюжеты.

Характерный пример – стихотворение «Гамлет», в котором поэтом представлен посмертный диалог Гамлета и Офелии. Офелия верит в возможность победы любви над смертью, девушка говорит возлюбленному принцу, что «любовь согревает снега» (любовь сильнее смерти), призывает «заснуть» вместе с ней, обрести забвение, покой. Но Гамлет просит Офелию забыть о нем, после объяснения с возлюбленной принц «растворяется в небе Валгаллы», он уже мертв¹.

Однако в позднем поэтическом сборнике «Автоматические стихи» прослеживается последовательный отказ Б.Ю. Поплавского от детализации лирического сюжета и лирического героя. Благодаря этому Б.Ю. Поплавский в поздних стихотворениях достигает эффекта дереализации, к которому

¹ Поплавский, Б. Ю. Флаги: стихи / Б.Ю. Поплавский. – Париж: Числа, 1931. – 92 с.

стремились поэты-сюрреалисты. Если в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» упоминается какой-либо персонаж, то чаще всего он отождествляется с единственной функцией. Персонаж может отождествляться с его профессией, работоспособностью или даже рабочим графиком («В черном море пели водолазы»², «Больные вставали с постели / Вечерняя смена на низких бульварах / Ела мороженое»³). Уместно вспомнить отрывок из «Нади» А. Бретона, в котором главный герой рассуждает о том, что работа препятствует творческому образу жизни: «И пусть мне после этого не говорят о работе, то есть о моральной ценности работы. Я вынужден принять идею работы как материальной необходимости, в этом отношении я всецело за ее лучшее, наиболее правильное распределение. Пусть мрачные обязательства жизни навязывают мне ее — это так, но заставить меня верить в нее, уважать мою работу или чью-нибудь еще — никогда»⁴.

В отличие от А. Бретона, Б.Ю. Поплавский не осуждает идею работы, он скорее рисует картину городской отчужденности. Поэт констатирует, что незнакомые люди интересны друг другу лишь в функциональном плане. Также Б.Ю. Поплавский использует фрагментарное описание внешности персонажей («худые и старые люди в цилиндрах»⁵, «страшные черные лица детей»⁶), акцентируя внимание на невозможности проникнуть в глубь душевной жизни этих людей и нагнетая ощущение отчуждения.

Упоминание некоторых персонажей в нехарактерных для них ситуациях также создает эффект дереализации. Так, например, в тридцатом стихотворении сборника упоминаются короли, которые едут в трамвае («Далеко внизу трамваи шли / В них читали книги короли»⁷). Картина эта, с одной стороны, напоминает о пронизанной мистицизмом поэме А.А. Блока

² Поплавский, Б. Ю. Автоматические стихи / Б. Ю. Поплавский. — М.: Согласие, 1999. — 228 с.

³ Там же

⁴ Бретон, А. Надя [Электронный ресурс] / А. Бретон // royallib.com: электронная библиотека. — 2010-2023. — URL: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest_syurrealizma.html (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Поплавский, Б. Ю. Автоматические стихи / Б. Ю. Поплавский. — М.: Согласие, 1999. — 228 с. 38

⁶ Там же

⁷ Там же

«Ночная фиалка»⁸, герой которой не замечет, как погружается в сон – картина пригорода постепенно сменяется картиной заседания сказочных королей. С другой стороны, многие окружающие Б.Ю. Поплавского люди, как и он сам, потеряли свой социальный статус и материальное состояние и были вынуждены вести в эмиграции крайне бедный образ жизни – допустимо прямое толкование этой сцены, лишенное мистицизма. Возможность двойного толкования – обыденного и мистического – пронизывает весь сборник «Автоматические стихи».

Персонажи иногда описаны как каменные или железные, что, с одной стороны, подчеркивает их неподвижность и/или безэмоциональность, а с другой стороны, сближает их со статуями («Каменная девушка на воздушном шаре / Поднимается в небо не переставая улыбаться»⁹, «Бледнолицые книги склонялись к железным рукам»¹⁰) Статуи же, напротив, описываются двойственно – они показаны со сторон, характерных и для статуй, и для людей («В беседке состарилась статуя»¹¹, «Статуя читает книгу»¹²). Иногда личность персонажа совершенно не важна, описывается только его действие, которое отражает состояние мира:

И кто-то говорил во сне
Странно приподымая руку
О самом страшном -
О измене¹³

Утро будет? - кто-то спросил
Нет - ответил кто-то без сил¹⁴

На смену «мы-возлюбленным» («Превращение в камень», «В борьбе со снегом») и «мы-друзьям» («Армейские стансы», «Дождь»), часто

⁸ Блок, А.А. Избранные сочинения / А.А. Блок – М.: Худож. Лит., 1988. – 687 с., ил.

⁹ Поплавский, Б. Ю. Автоматические стихи / Б. Ю. Поплавский. – М.: Согласие, 1999. – 228 с.

¹⁰ Там же

¹¹ Там же

¹² Там же

¹³ Там же

¹⁴ Там же

встречавшимся на страницах «Флагов», в «Автоматических стихах» приходит «коллективное мы», в котором невозможно разглядеть конкретных личностей. Эти люди чаще всего не заняты ничем особенным («Мы пили яркие лимонады и над нами флаги кричали»¹⁵), но для них возможен и коллективный духовный путь («Мы идем с Евангелием в кармане / Мы идем вперед»¹⁶).

В девяносто восьмом стихотворении сборника описано «коллективное мы», которое составляют люди, достигшие определенного духовного просветления. Никак не обозначена их бытовая жизнь, а упоминание о смерти времени наводит на мысль о том, что эти люди уже живут в вечности и все стихотворение отсылает к «Апокалипсису» св. Иоанна Богослова:

Кто нас помнит? Нас все забыли
Мы другие, мы новые люди
Мы так слабы, болит голова
Еле слышны наши слова
Но быть может мы что-то знаем
Что не знает яркое время –
Почему умирало так страшно
Так безумно хотело жить
Всё так ясно – будем суровы
Мы иные, мы строги и новы
Бережем мы каждое слово
Каждый терний венца Христова
Мы спокойны в тени креста¹⁷

«Мы» в значении «мы-двое» используется только в шестьдесят седьмом стихотворении сборника, лирический сюжет которого перекликается с сюжетом романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов», в котором описываются духовные поиски русских эмигрантов. Примечательно что в данном стихотворении осуждающим себя за неудачи на духовном пути

¹⁵ Там же

¹⁶ Там же

¹⁷ Там же

молодым людям противопоставлен отшельник, которому доступно мистическое откровение:

Говорили двое в комнате над миром
А в окне был виден яркий белый дом
На стенах были окна картин - там были закатные виды
А под полом глубоко сердце билось покрытое льдом
Оба себя осуждали
И говорили что черными лицами
Коснулись белых страниц
Что их жалкие ангелы плача
В черном ветре печали покинули узкий карниз
Высоко на небе стояла их неудача
Тихо о том
В лесу золотом
Думал отшельник в хвойной каменной яме
Он считал золотые звенья
Цепи которой земля привешена к небу
И видел что их стало больше¹⁸

Бродяги и отшельники, посвящающие себя поискам Бога, занимают особое место в ряду «однофункциональных» персонажей Б.Ю. Поплавского. Во втором стихотворении сборника бродяга, который «разгадал / Крестословицу о славе креста»¹⁹, достигает свободы, а в сорок четвертом стихотворении отшельник, проникший в суть мистических книг, перемещается в иной мир, «он живет на звезде зари»²⁰.

Достигший просветления лирический герой представлен как пограничный персонаж, способный прислушиваться к жизни объектов окружающего его мира:

Я живу на границе твоей

¹⁸ Там же

¹⁹ Там же

²⁰ Там же

О душа, о море победы
Меж тобою и мною ночь - высоко до рассвета
Далеко до лучезарного дня
Я живу на границе твоей
Камень тихо со мной говорит²¹

Одним из часто встречающихся в сборнике персонажей является Христос, представленный Б.Ю. Поплавским на средневековый лад, – он крайне беден. Христос уже среди людей, но благодаря своей бедности он не отличим от бедняков («Христос в ботинках едет в трамвае»). Только истинно верующие могут знать о его прибытии – такая группа людей описана в стихотворении девяносто четыре:

Улицы мокры, огни зажглись в тумане
Дождь идет
Мы идем с Евангелием в кармане
Мы идем вперед
Знаем:
В подземелье
Внизу глубоко
Христос на стуле
Он держит в руках весы спокойности
Весы покачнутся -
Христос проснется
Поднимет руку
Мы вспомним всё ²²

Появление мотива прощания с временем («Время стекает к садам антарктических птиц / Время, прощай»²³) в тех стихотворениях, где говорится о Христе, и упоминание золотой трубы («Лежит золотая труба / Христос сидит

²¹ Там же

²² Там же

²³ Там же

на стуле / Он спит / С золотою трубою в руках / Христос проснется»²⁴)
свидетельствуют о приближении Апокалипсиса.

Ряд стихотворений в «Автоматических стихах», характеризующихся повелительной интонацией, – это стихотворения-инструкции для лирического героя «как правильно жить в мире», созданным Б.Ю. Поплавским. Лирический герой в них призывается к приближению к иному миру, к спокойствию, к молитвам и принятию неизбежности гибели. Он будто должен приблизиться к состоянию объекта в мире людей, чтобы стать субъектом в ином мире:

Вечный воздух ночной говорит о тебе
Будь спокоен как ночь, будь покорен судьбе
В совершенном согласье с полетом камней
С золотым погасаньем дней
Будь спокоен в своей мольбе²⁵

Никого не решайся видеть
Закрывай свои взоры стеклом и цветами
Отстраняя лучи водопада
И красивые флаги
С белой чистой страницей бумаги
На черном лице
Будь похож на часы золотые
Где огромное время таится
Ожидая свой знак отдаленный
Свой таинственный голос за сценой
Чтоб поднять золотую доску
Размотать гробовые ленты²⁶
Иногда реальность существования лирического героя вовсе отрицается:
Тише, мой друг.

²⁴ Там же

²⁵ Там же

²⁶ Там же

Сны распадутся

Но ведь и Ты сон²⁷

Однако в стихотворениях сборника содержится указание и на неверный духовный путь:

Там ножницами щелкали вдали

Ночные птицы отрезая нити

Которыми касались короли

Иных миров. Что делать Вам? Умрите

Попробуйте молиться в мире снов

Но кто-то плакал на дворе вдали:

Он собирал лоскутья и обрезки²⁸

Молитва и смерть представляются как возможные пути достижения иного мира, а поиск свидетельств существования иных миров в обыденной жизни (так можно трактовать сбор «лоскутьев и обрезков» в контексте метафоры «нити») представлен как ложный путь. Однако, сбор «лоскутьев и обрезков», сопровождаемый плачем, может быть истолкован и как свидетельство крайней бедности собирающего их персонажа. Именно за счет двойственности образов поэт на страницах «Автоматических стихов» создает атмосферу сна и мистицизма.

Благодаря отказу от детализации лирического сюжета и лирического героя, а также за счет двойственности описываемых сцен и явлений, Б.Ю. Поплавский в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» достигает эффекта дереализации, к которому стремились поэты-сюрреалисты, но христианское содержание образов выдает в Б.Ю. Поплавском преемника русских символистов.

²⁷ Там же

²⁸ Там же